

Джек Лондон

СЕРДЦА ТРЁХ

#эксмодетство

Золотая полка мировой литературы

Джек Лондон

Сердца трех

«ЭКСМО»

1920

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лондон Д.

Сердца трех / Д. Лондон — «Эксмо», 1920 — (Золотая полка мировой литературы)

ISBN 978-5-04-253734-9

Яркий, увлекательный, авантюрный роман американского классика Джека Лондона «Сердца трёх» покори́л читателей невероятными приключениями и потрясающими романтическими историями. Точные, выразительные иллюстрации Владимира Канивца помогают перенестись воображением на тропические острова, в горные селения и в роскошные кабинеты Уолл-стрит.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-253734-9

© Лондон Д., 1920

© Эксмо, 1920

Содержание

Предисловие	8
Глава первая	12
Глава вторая	23
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джек Лондон Сердца трёх

Перевод с английского *Татьяны Кудрявцевой*

Иллюстрации *Владимира Канивца*

© Кудрявцева Т., перевод, наследники, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Предисловие

Надеюсь, читатель извинит меня за то, что я начинаю это предисловие с похвалы. Дело в том, что эта работа – юбилейная. Её завершением я отмечаю своё сорокалетие, свою пятидесятую книгу, шестнадцать лет своей писательской деятельности и новое направление в своём творчестве. А «Сердца трёх» – это новое направление. До сих пор я, безусловно, не создавал ничего подобного и почти убеждён, что и впредь не создам. И я вовсе не намерен скрывать, что горжусь этой работой. А теперь я советовал бы читателю, который любит стремительное развитие действия, перескочить через всё то бахвальство, что содержится в предисловии, и погрузиться с головой в повествование – пусть он потом попробует сказать мне, что от моей книги легко оторваться.

Для любопытствующих разрешу себе кое-что пояснить. По мере того как кинематограф становился наиболее популярной формой развлечения во всём мире, запас фабул и интриг, накопленный мировой беллетристикой, стал быстро истощаться. Какая-нибудь одна кинокомпания с помощью двух десятков режиссёров способна экранизировать всё литературное наследие Шекспира, Бальзака, Диккенса, Скотта, Золя, Толстого и десятков менее плодovitых писателей. А поскольку на свете сотни кинокомпаний, нетрудно сообразить, как скоро они могут столкнуться с нехваткой сырья, из которого фабрикуют кинокартины.

Право на экранизацию всех романов, рассказов и пьес, издаваемых или подлежащих изданию определёнными издательствами или лицами, уже давно куплено и зафиксировано договорами; если же попадается материал, право собственности на который истекло за давностью лет, то он экранизируется с такой же быстротой, с какой матросы, очутившись на берегу, усеянном золотым песком, набросились бы на самородки. Тысячи сценаристов – точнее будет сказать, десятки тысяч, ибо нет такого мужчины, женщины или младенца, которые не считали бы себя вполне созревшими для написания сценария, – итак, десятки тысяч сценаристов рыщут по литературе (как охраняемой авторским правом, так и неохраняемой) и хватают журналы чуть ли не из машины в надежде поживиться какой-нибудь новой сценкой, фабулой или историей, придуманной их собратьями по перу.

Кстати, справедливость требует отметить, что совсем недавно, в те дни, когда сценаристов ещё не очень уважали, они надрывались в поте лица за пятнадцать-двадцать долларов в неделю, а случалось, что прижимистые директора платили им поштучно: десять-двадцать долларов за сценарий, да ещё в пятидесяти случаях из ста не выдавали сценаристам и тех грошей, которые им причитались; бывало и так, что товар, украденный сценаристами, в свою очередь крали у них не менее бессовестные и беззастенчивые люди, работавшие в штате. Так было только вчера, а сегодня я знаю сценаристов, которые имеют по три машины и по два шофёра, которые посылают своих детей в самые дорогие школы и вообще обладают устойчивой платёжеспособностью.

В значительной мере именно из-за нехватки беллетристического сырья и начали ценить и уважать сценаристов. На них появился спрос, они получили признание, их стали лучше оплачивать, а от них требовать продукцию более высокого качества. Начались новые поиски материала, выразившиеся, в частности, в попытке завербовать известных писателей для работы в качестве сценаристов. Но то, что человек написал двадцать романов, ещё не может служить ручательством, что он способен написать хороший сценарий. Как раз наоборот: очень быстро обнаружилось, что успех в беллетристике – верная гарантия провала на экране.

Но тут на сцене появляются хозяева кинокомпаний. Разделение труда – прежде всего. И вот, связавшись с могущественными газетными объединениями или с отдельными лицами, как это имело место в данном случае – я имею в виду «Сердца трёх», – они заказывают высококвалифицированным сценаристам (даже ради спасения собственной жизни не сумевшим бы

написать роман) сценарий, который романисты (даже ради спасения собственной жизни не сумевшие бы написать сценарий) превращают затем в роман.

Итак, является м-р Чарльз Годдард¹ к некоему Джеку Лондону и говорит ему: «Время действия, место действия и действующие лица определены; кинокомпании, газеты и капитал к нашим услугам; давайте договариваться». И мы договорились. Результат – «Сердца трёх». Ни у кого не может возникнуть и сомнения в искусстве и мастерстве м-ра Годдарда после того, как я перечислю его творения, а перу его принадлежат: «Злоключения Полины», «Приключения Элейн», «Богиня», «Обогащайся, Уоллингфорд» и т. д. Кроме того, имя героини данного романа – Леонсия – тоже им придумано.

Первые несколько эпизодов он написал на своём ранчо в Лунной долине. Но писал он быстрее, чем я, и закончил свои пятнадцать эпизодов на много недель раньше меня. Да не введёт вас в заблуждение слово «эпизод». На первый эпизод ушло три тысячи футов плёнки. А на последующие четырнадцать – по две тысячи футов на каждый. В каждом эпизоде около девяноста сцен, что составляет в общем около тысячи трёхсот сцен. Итак, мы работали параллельно, каждый над своим куском. Когда я писал какую-то главу, я, естественно, не мог принимать в расчёт того, что происходит в следующей или через двенадцать глав, так как я этого не знал. Не знал этого и м-р Годдард. Отсюда неизбежные последствия: нельзя сказать, чтобы повествование в «Сердцах трёх» отличалось особой последовательностью, хотя оно, безусловно, не лишено логики.

Представьте себе моё изумление, когда я, будучи на Гавайях, вдруг получаю от м-ра Годдарда по почте из Нью-Йорка сценарий четырнадцатого эпизода (я же в то время только ещё трудился над литературной обработкой десятого эпизода) и вижу, что мой герой женат совсем не на той женщине! И в нашем распоряжении всего только один эпизод, когда можно избавиться от неё и связать моего героя узами законного брака с единственной женщиной, на которой он может и должен жениться. Как это сделано – прошу посмотреть в последней главе, или пятнадцатом эпизоде. Можете не сомневаться, что м-р Годдард надоумил меня, как это сделать.

Дело в том, что м-р Годдард – мастер по части развития действия и гений по части быстроты. Развитие действия нимало не волнует его. «Изобразить», – спокойно указывает он в авторской ремарке киноактёру. Очевидно, актёр «изображает», ибо м-р Годдард тут же начинает нагромождать одно действие на другое. «Изобразить горе!» – приказывает он, или «печаль», или «гнев», или «искреннее сочувствие», или «желание убить», или «стремление покончить жизнь самоубийством». Вот и всё. Так и должно быть – иначе когда же он завершил бы работу и написал свои тысячу триста сцен?

Но можете себе представить, каково пришлось мне, несчастному, который не мог ограничиться волшебным словом «изобразить», а должен был описать – и притом весьма подробно – все те настроения и положения, которые одним росчерком пера наметил м-р Годдард! Чёрт побери! Диккенсу не казалось чрезмерным излишеством потратить тысячу слов на описание и возможно более тонкую обрисовку горестных переживаний того или иного из своих героев. А вот м-р Годдард говорит: «Изобразить», и рабы киноаппарата делают всё, что нужно.

А развитие действия! В своё время я написал не один приключенческий роман, но во всех них, вместе взятых, вы не найдёте столь стремительного развития действия, как в «Сердцах трёх».

Зато теперь я знаю, почему так популярен кинематограф. Я теперь знаю, почему «Гда Барнес из Нью-Йорка» и «Техасский горшечник» разошлись в миллионах экземпляров. Я теперь знаю, почему какая-нибудь напыщенная агитационная речь может привлечь куда больше голосов, чем самый прекрасный и доблестный поступок или замысел государственного деятеля. Переделка сценария м-ра Годдарда в роман была для меня интересным опытом – и

¹ Годдард Чарльз – известный американский сценарист, соавтор Лондона – они вместе написали «Сердца трёх».

весьма поучительным. Эта работа по-новому осветила давно продуманные мною социологические обобщения, подвела под них новую основу и укрепила их. После этой попытки испробовать свои силы как писатель в новой для себя области я стал понимать душу народа в его массе глубже, чем понимал до сих пор, и осознал – полнее, чем когда либо, – каким высоким искусством жеста и мимики должен владеть демагог, привлекающий голоса избирателей на свою сторону благодаря своему умению играть на коллективной душе масс. Я буду очень удивлён, если эта книга не получит самого широкого распространения. («Изобразить удивление», – сказал бы м-р Годдард или: «Изобразить широкое распространение».)

Если в основе этой авантюры, именуемой «Сердца трёх», лежит сотрудничество, я восхищён идеей сотрудничества. Но только – увы! – боюсь, что такого коллегу, как м-р Годдард, можно встретить не чаще, чем одного на миллион. Мы ни разу не перебросились даже словом, у нас не было ни одного спора, ни единой дискуссии. Но в таком случае я, должно быть, и сам – не коллега, а мечта! Разве я не позволил ему – без единого намёка на жалобу или возражение – «изображать» всё, что ему заблагорассудится, на протяжении 15 эпизодов сценария, 1300 сцен и 31 000 футов плёнки, а затем 111 000 слов, составивших роман? И всё-таки теперь, когда я кончил сей труд, я очень был бы рад, если бы не начинал его, – по одной простой причине: мне хотелось бы самому прочесть книгу и посмотреть, как она читается. А меня это очень интересует. Очень.

Джек Лондон

Вайкики, Гавайские о-ва

23 марта 1916 года

Сердца трёх Старая пиратская песня²

Кто готов судьбу и счастье
С бою брать своей рукой,
Выходи корсаром вольным
На простор волны морской!

Припев:

Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаём.
Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоём!

Нож на помощь пистолету —
Славный выдался денёк!
Пушка ломит их упрямство,
Путь расчистит нам клинок.

Припев.

Славь, корсар, попутный ветер,
Славь добычу и вино!
Эй, матрос, проси пощады,
Капитан убит давно!

Припев.

Славь захваченное судно,
Тем, кто смел, сдалось оно.
Мы берём лишь груз и женщин,
Остальное всё – на дно!

Джордж Стерлинг³

² Перевод В. Левика.

³ Стерлинг Джордж (1869–1926) – американский писатель и поэт, близкий друг Лондона.

Глава первая

В это позднее весеннее утро события развивались очень быстро в жизни Френсиса Морган. Если когда-нибудь человеку суждено было, переместившись во времени, стать участником жестокой кровавой драмы, а точнее – трагедии бесхитростных душ, и одновременно свидетелем средневековой мелодрамы, насыщенной сентиментальностью и бурными страстями, свойственными обитателям Латинского Нового Света, то этим человеком Судьба предназначила быть Френсису Моргану, и притом весьма скоро.

Однако сам Френсис Морган пребывал в ленивом неведении относительно того, что в мире что-то для него готовится, и едва ли был готов встретить надвигавшиеся события. Поздно засидевшись за бриджем, он поздно начинал свой день. За поздним пробуждением последовал поздний завтрак из фруктов и каши; покончив с ним, Френсис направился в библиотеку – строго, со вкусом обставленную комнату, откуда его отец в последние годы жизни руководил своими обширными и многообразными делами.

– Паркер, – обратился Френсис к камердинеру, который служил ещё его отцу, – ты не замечал признаков ожирения у Р. Г. М. в последние годы его жизни?

– О нет, сэр, – отвечал тот со всей почтительностью хорошо вышколенного слуги, но невольно бросая беглый оценивающий взгляд на великолепную фигуру молодого человека. – Ваш батюшка, сэр, всегда отличался стройностью. Фигура у него никогда не менялась; он был широкоплечий, с могучей грудью и хоть широковат в кости, но талия, сэр, у него была тонкая, всегда тонкая. Когда его обмыли, сэр, и положили на стол, многие молодые люди в нашем городе могли бы устыдиться своей фигуры. Он всегда тщательно следил за собой, сэр, – я имею в виду все эти упражнения, которые он делал в постели, полчаса каждое утро. Ничто не могло заставить его отступить. Он называл это своим культом.

– Да, фигура у отца была редкостная, – рассеянно произнёс молодой человек, глядя на биржевой телеграф и несколько телефонных аппаратов, установленных ещё его отцом.

– Совершенно верно, – убеждённо подтвердил Паркер. – Ваш батюшка был строен, как аристократ, несмотря на широкую кость, могучие плечи и грудь. И вы это унаследовали, сэр; только вы ещё лучше.

Молодой Френсис Морган, унаследовавший от своего отца не только статную фигуру, но и немало миллионов, безмятежно развалился в широком кожаном кресле и вытянул ноги – совсем как могучий лев в клетке, не знающий, куда девать свои силы. Развернув утреннюю газету, он остановился взглядом на заголовке, извещавшем о новом оползне на Кьюлебрском участке Панамского канала.

– Хорошо, что мы, Морганы, не склонны к полноте, – позёвывая, произнёс он, – не то ведь я мог бы и растолстеть от такой жизни... Правда, Паркер?

Престарелый камердинер, не расслышав, смущённо посмотрел на своего хозяина.

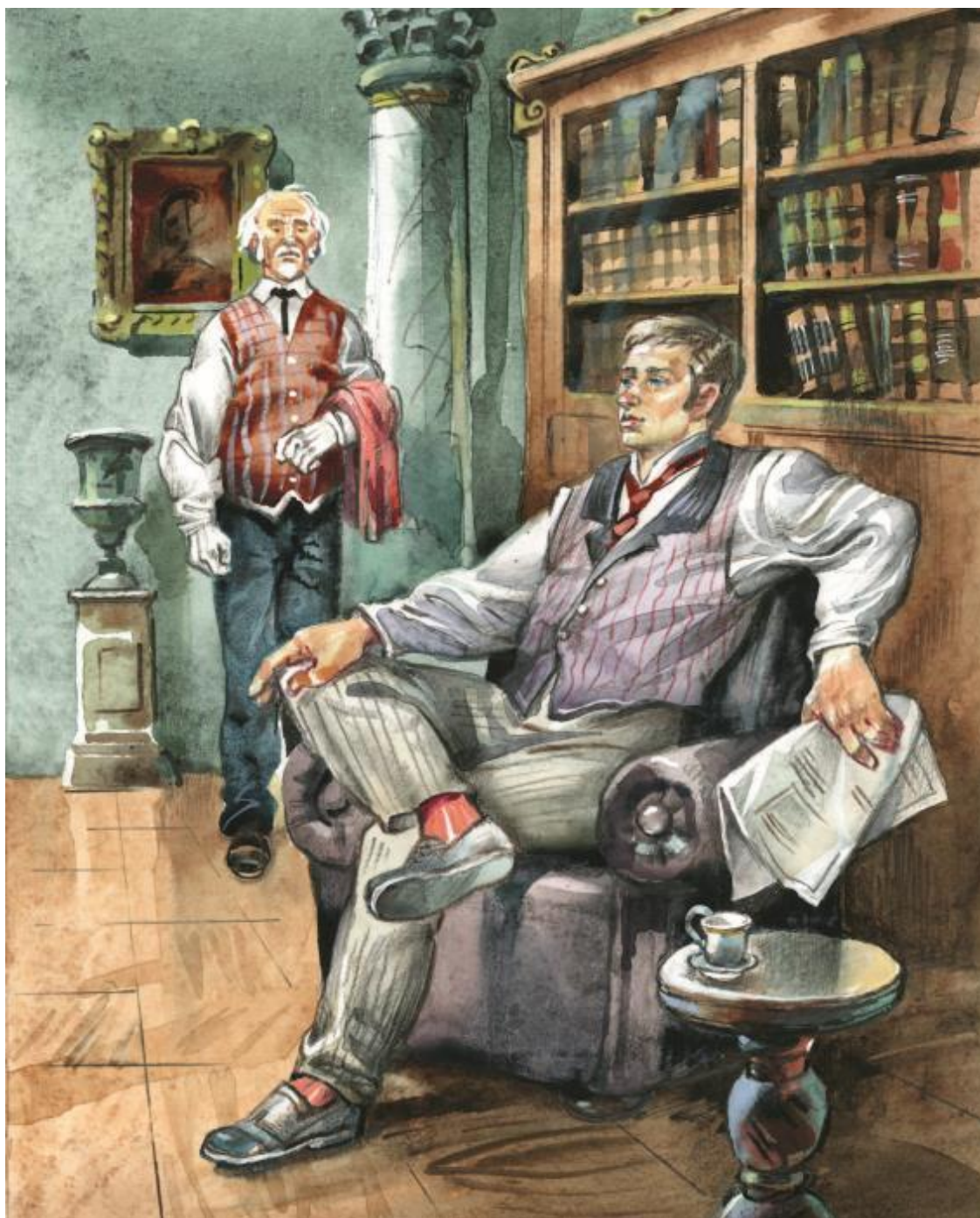
– О да, сэр, – поспешно сказал он. – То есть я хочу сказать: нет, сэр. Вы сейчас в наилучшей форме.

– Ничего подобного, – убеждённо заявил молодой человек. – Я, может, и не разжирел, но, безусловно, пообмяк... А, Паркер?

– Да, сэр... То есть нет, сэр, – я хотел сказать: нет, сэр. Вы всё такой же, каким вернулись из колледжа три года назад.

– И решил, что безделье – моё призвание, – рассмеялся Френсис. – Паркер!

Паркер почтительно вытянулся. Однако хозяин его уже погрузился в глубокое раздумье, словно решая проблему первостепенной важности, а рука его то и дело принималась теревить топорщившиеся маленькие усики, которые он с некоторых пор стал отращивать.

– Паркер, я намерен съездить на рыбную ловлю.

– Да, сэр.

– Я велел прислать несколько складных удочек. Пожалуйста, составь их и принеси сюда: я хочу их осмотреть. Мне думается, что уехать недельки на две куда-нибудь в лес – самое для меня полезное. Если я этого не сделаю, то, несомненно, начну толстеть и опозорю весь наш род. Ты ведь слышал про сэра Генри?⁴ Старого оригинала сэра Генри, пирата и головореза?

– Да, сэр. Я читал о нём, сэр.

⁴ Сэр Генри – известный английский пират Генри Морган (1635–1688), действовавший в XVII веке в Карибском море, прибрежных районах Центральной и Южной Америки, которые в то время принадлежали Испании. Со временем Морган поступил на английскую королевскую службу и занял важный административный пост на острове Ямайка, где располагались опорные пункты британского флота.

Паркер уже стоял в дверях и только ждал той минуты, когда словоохотливость молодого хозяина иссякнет, чтобы отправиться по его поручению.

– Да, гордиться тут нечем – подумаешь, старый пират!

– О нет, сэр, – запротестовал Паркер. – Он ведь был губернатором на Ямайке и умер в почёте.

– Счастье ещё, что его не повесили, – расхохотался Френсис. – В сущности, только он один и позорит наш род, который сам же основал. Но я вот что хотел сказать: я очень тщательно просмотрел всё, что его касается. Он весьма заботился о своей фигуре и, слава богу, до самой смерти сохранил тонкую талию. В этом отношении он оставил нам хорошее наследство. А вот сокровища его мы, Морганы, так и не нашли; впрочем, тонкая талия, которую он нам завещал, дороже всех рубинов. Родовая черта – говоря языком биологов, которому научили меня профессора.

Наступила долгожданная пауза, и Паркер осторожно выскользнул из комнаты, а Френсис Морган погрузился в изучение газетной статьи о Панаме, из которой он выяснил, что канал будет открыт для судоходства, по-видимому, не раньше, чем через три недели.

Зазвонил телефон, и с помощью электрических нервов современной высокой цивилизации Судьба сделала первую попытку протянуть свои щупальца и добраться до Френсиса Моргана, который сидел в эту минуту в библиотеке особняка, выстроенного его отцом на Риверсайд-драйв.

– Но, дорогая миссис Каррузерс, – запротестовал он в трубку, – что бы там ни было, это просто временный ажиотаж. «Тэмпико петролеум» в полном порядке. Это не спекулятивные бумаги, а вполне надёжное помещение капитала. Держите их. Держите крепко... Всё дело, наверное, в том, что какой-нибудь фермер из Миннесоты приехал в Нью-Йорк и решил купить пакета два акций просто потому, что они кажутся ему солидными, а так оно и есть... Ну и что тут такого, что они поднялись на два пункта? Всё равно не продавайте. «Тэмпико петролеум» – это вам не лотерея и не рулетка. Это крепкое промышленное предприятие. Мне бы, например, очень хотелось, чтобы оно было не таким грандиозным, – я бы тогда мог финансировать его один... Да нет, выслушайте меня: совсем это не мыльный пузырь! Мы сейчас одних цистерн заказали больше чем на миллион долларов. Наша железная дорога и три нефтепровода стоят свыше пяти миллионов. Да одни только действующие нефтескважины дадут нам нефти на сто миллионов долларов, так что сейчас главная наша задача – доставить её к морю на танкеры. Теперь самое время для вложения капитала. Пройдёт год-другой, и государственные бумаги по сравнению с вашими акциями покажутся сущей чепухой...

...Да-да, пожалуйста. Не обращайтесь на биржевой рынок. И потом – я вовсе не советовал вам приобретать эти акции. Я никогда не давал своим друзьям таких советов. Но уж раз вы приобрели эти акции, то держитесь за них. «Тэмпико» такое же солидное предприятие, как Английский банк... Да, мы с Дикки поделили вчера вечером трофеи. Подобралась великолепная компания. Хотя Дикки, надо сказать, чересчур горяч для бриджа... Да, везло, как игроку на бирже... Ха-ха! Я горяч? Ха-ха!.. Да?.. Скажите Гарри, что я отбываю недели на две... Поеду форель удить... Весна, знаете ли, ручейки журчат, на деревьях сок выступил, распускаются почки, зацветают цветы и тому подобное... Да, всего наилучшего. И держитесь обеими руками за «Тэмпико петролеум». Если они немножко упадут, после того как этот миннесотский фермер кончит играть на повышение, прикупите ещё. Я тоже собираюсь так сделать. Это всё равно что найти деньги... Да... Да, конечно... Слишком это крепкие бумаги, чтобы вот так – ни с того ни с сего – взять и продать их: ведь они, может, никогда больше не понизятся... Ну конечно, я знаю, что говорю. Я проспал сегодня восемь часов и ещё не выпил ни капли... Да, да... До свидания.

Не поднимаясь с кресла, Френсис потянул к себе ленту от соединённого с биржей аппарата и лениво пробежал её глазами: то, что в ней сообщалось, не вызвало у него особого интереса.

Вернулся Паркер, неся несколько тоненьких удочек; каждая из них по своей полировке и отделке была вершиной искусства и мастерства. Френсис мигом вскочил с кресла, отбросил в сторону телеграфную ленту, про которую тут же забыл, и, точно мальчишка, с радостью и восторгом принялся осматривать игрушки и пробовать их одну за другой: он то взмахивал удочками так, что леска со свистом, похожим на удар хлыста, разрезала воздух, то осторожно, рассчитанным движением, закидывал её под высокий потолок, как если бы там, на другом конце комнаты, находился невидимый пруд, в котором таинственно поблёскивала форель.

Зазвонил телефон. Лицо Френсиса перекошилось от раздражения.

– Ради бога, поговори ты, Паркер, – приказал он. – Если это опять какая-нибудь дура, играющая на бирже, скажи, что я умер, или пьян, или лежу в тифу, или женюсь, – словом, придумай что-нибудь пострашнее.

После непродолжительных переговоров, проведённых в спокойном вежливом тоне, так подходившем к величественному стилю этой холодной, чинной комнаты, Паркер произнёс в трубку: «Одну минуту, сэр» – и, прикрыв её рукой, сказал:

– Это мистер Бэском, сэр. Он просит вас.

– Скажи мистеру Бэскому, чтобы он убирался к чёрту, – отозвался Френсис, замахнувшись так, будто хотел невесть куда забросить удочку; и в самом деле, опиши леска кривую, начертанную его зачарованным взглядом, она вылетела бы в окно и, по всей вероятности, до смерти перепугала бы садовника, который, стоя на коленях, пересаживал розовый куст.

– Мистер Бэском говорит, что это насчёт положения на бирже, сэр, и что он задержит вас не более пяти минут, – настаивал Паркер, но так деликатно и мягко, словно передавал какое-то совсем несущественное, пустяковое поручение.

– Хорошо, – Френсис осторожно прислонил удочку к столу и взял трубку. – Алло, – сказал он в аппарат. – Да, это я, Морган. Ну, валяйте. Что там такое?

Он с минуту послушал, потом раздражённо перебил говорившего:

– Продавать? Чёрта с два! Ни в коем случае... Конечно, я рад это слышать. Но даже если акции поднимутся на десять пунктов – чего, конечно, не случится, – всё равно держите их. Весьма возможно, что это закономерное повышение и они уже больше не упадут. Эти акции – штука солидная. Они стоят куда больше, чем котируются. Вообще этого могут и не знать, но я-то знаю. Через год они до двухсот дойдут – конечно, если в Мексике прекратятся эти вечные революции... А вот если акции упадут, вы получите от меня приказ покупать... Ерунда. Кто это хочет приобрести контрольный пакет? Да нет же, это чисто спорадическое явление... Что? Прошу прощения. Я хотел сказать: чисто временное. Так вот что: я уезжаю недели на две удить рыбу. Если акции упадут на пять пунктов – покупайте. Покупайте всё, что будут предлагать. М-да, когда у человека на руках солидное предприятие и начинается игра на повышение его акций, это почти так же опасно, как игра на понижение... Да... Конечно... Да... До свидания.

Френсис с восторгом снова занялся своими удочками, а тем временем на другом конце города в кабинете Томаса Ригана уже неумоимо трудилась Судьба. Томас Риган отдал своей армии маклеров приказ скупать акции «Тэмпико петролеум», пустил через посредство многообразных каналов таинственный слухок, будто у «Тэмпико петролеум» какие-то осложнения с мексиканским правительством по поводу концессии, и погрузился в чтение отчёта своего эксперта по нефти, который целых два месяца провёл на месте, выясняя подлинные перспективы и возможности этой компании.

Вошёл клерк, подал визитную карточку и доложил, что какой-то иностранец просит принять его. Риган взглянул на карточку.

– Передайте этому мистеру, сеньору Альваресу Торресу, – сказал он, – что я не могу его принять.

Через пять минут клерк вернулся с той же карточкой, но теперь на обратной её стороне было что-то нацарапано карандашом. Риган так и расплылся в улыбке, прочитав:

Дорогой и многоуважаемый мистер Риган. Имею честь сообщить Вам, сэр, что мне известно местонахождение клада, который, ещё в бытность свою пиратом, спрятал сэр Генри Морган.

Альварес Торрес

Риган покачал головой; клерк был уже у двери, когда хозяин вдруг окликнул его:

– Пусть войдёт, немедленно.

Оставшись один, Риган беззвучно рассмеялся, обмозговывая пришедшую ему в голову идею.

– Молокосос! Щенок! – бурчал он сквозь облако дыма, раскуривая сигару. – Воображает себя львом, точно он сам старик Р. Г. М. Хорошая порка – вот что ему нужно, и старый стреляный воробей Риган уж позаботится об этом.

Английский язык сеньора Альвареса Торреса был столь же безукоризнен, как и его модный весенний костюм; и хотя смуглая кожа выдавала его латиноамериканское происхождение, а блеск чёрных глаз достаточно красноречиво говорил о том, что в этом человеке течёт давняя смесь испанской и индейской крови, – он казался настолько типичным ньюйоркцем, что Томас Риган большего и желать бы не мог.

– После многих лет упорного труда и поисков, – начал Торрес, – я наконец догадался, где спрятан клад сэра Генри Моргана. Я уверен, что он зарыт на Москитовом Берегу. Скажу точнее: до него не больше тысячи миль от лагуны Чирикви, а ближайший к нему город, судя по всему, – Бокас-дель-Торо. Я там родился, хотя образование получил в Париже; знаю местность как свои пять пальцев. Для такой экспедиции достаточно было бы маленькой шхуны. Ведь снарядить её недорого обойдётся, совсем недорого, зато какая будет прибыль: в награду целое сокровище.

Сеньор Торрес умолк: ему не хватало слов, чтобы выразиться определённое, но Томас Риган, крутой и жёсткий человек, привыкший иметь дело с людьми такого же склада, как и он сам, начал вытягивать из него сведения, точно адвокат, ведущий перекрёстный допрос.

– Да, – тотчас признался сеньор Торрес, – в настоящее время я несколько стеснён... как бы это сказать?... в средствах.

– Вам нужны деньги, – грубо уточнил биржевик, и тот с горестным видом поклонился.

И ещё многое другое вынужден был признать Альварес Торрес под беглым огнём допроса. Да, он лишь недавно покинул Бокас-дель-Торо и надеется, что никогда больше туда не вернётся. Тем не менее он готов вернуться, если они придут сейчас к какому-то соглашению...

Но Риган остановил его властным жестом человека, привыкшего повелевать простыми смертными; он взял чековую книжку и выписал чек на имя Альвареса Торреса. Когда тот взглянул на бумажку, то увидел, что там проставлена сумма в тысячу долларов.

– Так вот к чему сводится моя идея, – сказал Риган. – Я лично ничуть не верю вашим рассказам. Но у меня есть один юный друг. Я очень люблю этого мальчика, и меня огорчает, что его слишком затягивают соблазны большого города – Бродвей с его красотками и тому подобное, – ну вы понимаете.

Сеньор Альварес Торрес поклонился, как светский человек, разговаривающий со светским человеком.

– Так вот, ради его здоровья, а также спасения не только его души, но и состояния самое лучшее, что можно было бы придумать, – это путешествие за сокровищем, полное приключений, требующее физического напряжения, и... словом, я убеждён, что вы меня понимаете.

Альварес Торрес снова поклонился.

– Вам нужны деньги, – продолжал Риган. – Постарайтесь заинтересовать его. Эта тысяча вам за труды. Заинтересуйте его так, чтобы он отправился разыскивать золото старика Моргана, – и ещё две тысячи ваши. Если сумеете заинтересовать его настолько, что он пробудет в отлучке три месяца, – я добавлю вам ещё две тысячи; а если полгода – то пять тысяч. Можете мне поверить: я хорошо знал его отца, мы с ним были товарищами, компаньонами, я... я могу даже сказать – почти братьями. Я готов пожертвовать любой суммой, чтобы наставить сына моего друга на правильный путь и сделать из него человека. Что вы на это скажете? Для начала вот вам тысяча. Идёт?

Сеньор Альварес Торрес дрожащими пальцами сворачивал и разворачивал чек.

– Я... я согласен, – с запинкой произнёс Торрес и даже начал заикаться от волнения. – Я... я... как бы это сказать?... я весь в вашем распоряжении.

За пять минут Торресу были даны все инструкции относительно той роли, которую ему предстояло играть, а его рассказ о кладе Моргана был несколько видоизменён, для большей

правдоподобности, хитрым, практичным биржевиком; после этого испанец поднялся и, прежде чем откланяться, заметил шутливо, но не без грусти:

– Самое забавное, мистер Риган, что всё это чистейшая правда. Изменения, которые вы внесли в мою историю, делают её более правдоподобной, но она правдива и без них. Мне нужны деньги. Вы очень щедры, и я буду стараться изо всех сил... Я... я горжусь тем, что обладаю даром артиста. И всё-таки клянусь: я действительно разгадал, где спрятаны сокровища, которые награбил и зарыл Морган. Я имел доступ к документам, недоступным для широкой публики; да и всё равно, едва ли кому-либо удалось бы в них разобраться. Эти документы хранятся в нашей семье, и многие мои предки трудились над ними всю жизнь, но так и не нашли разгадки. Однако они были на правильном пути – им только не хватало смекалки: они ошибались на двадцать миль. А ведь место точно указано в документах. Они ошибались, мне кажется, потому, что там нарочно всё было зашифровано, запутано, написано в виде ребуса; и только я, один я сумел понять это и разгадать. Все мореплаватели былых времён прибегали к таким трюкам, когда чертили свои карты. Мои испанские предки подобным образом скрыли Гавайские острова, переместив их на целых пять градусов долготы в сторону.

Для Томаса Ригана всё это было китайской грамотой; он слушал Торреса с терпеливой улыбкой, явно говорившей: «Вот, заставляет занятого человека отрываться от дел и выслушивать какие-то небылицы».

Не успел сеньор Торрес откланяться, как в кабинет вошёл Френсис Морган.

– Решил на минутку забежать к вам за советом, – сказал он после обычного обмена приветствиями. – Да и к кому же мне обращаться, как не к вам, – ведь вы столько лет работали с моим отцом. Насколько мне известно, вы были его компаньоном в крупнейших сделках. Он всегда советовал мне доверять вашим суждениям. Ну, вот я и пришёл. Прежде всего скажите: что происходит с «Тэмпико петролеум»? Дело в том, что я хочу уехать на рыбную ловлю.

– Что происходит с «Тэмпико петролеум»? – вопросом на вопрос ответил Риган, ловко разыгрывая полное неведение, хотя он один был во всём повинен.

Френсис кивнул и, опустившись в кресло, закурил сигарету, а Риган стал просматривать ленту биржевого телеграфа.

– Акции «Тэмпико петролеум» поднялись... на два пункта... А тебя, собственно, что беспокоит? – спросил он.

– Да ничего, – ответил Френсис. – Ровно ничего. Но не думаете ли вы, что некая группа хочет прибрать «Тэмпико» к рукам, ведь потенциальная ценность предприятия колоссальна. Это, как вы понимаете, между нами; то есть я хочу сказать: совершенно конфиденциально.

Риган кивнул.

– Предприятие огромное, – продолжал Френсис. – В полном порядке. Солидное во всех отношениях. Без обмана. И вдруг такой скачок! Не кажется ли вам, что какое-то лицо, или группа лиц, хочет завладеть контрольным пакетом акций?

Компаньон его отца тряхнул своей седой копной, – однако в голове, покрытой этими благородными сединами, таились далеко не благородные мысли.

– Ну что ты, – заметил он, – скорее всего, это просто случайный скачок. А может быть, публика, играющая на бирже, заподозрила, что акции «Тэмпико петролеум» – штука в самом деле стоящая. Ты-то сам как считаешь?

– Конечно, стоящая, – горячо ответил Френсис. – Я получил такие приятные вести, Риган, что вы ахнете от удивления. Я всем моим друзьям говорю, что это дело солидное, без обмана. До чёртиков обидно, что мне пришлось привлечь посторонний капитал. Но предприятие оказалось настолько крупным, что я просто вынужден был это сделать. Даже если бы я вложил все деньги, которые оставил мне отец, – я имею в виду свободный капитал, а не то, что уже вложено в другие предприятия, иными словами, наличность, – всё равно мне одному не поднять этого.

– У тебя что, туго со средствами? – спросил старик Риган.

– О, у меня есть кругленькая сумма, которой я могу оперировать, – беспечно отвечал молодой человек.

– Ты хочешь сказать...

– Конечно. Вот именно. Если акции «Тэмпико» упадут, я буду покупать. Ведь это всё равно что найти деньги!

– На сколько же ты намерен покупать? – спросил Риган, пытаясь прошупать своего гостя, но скрывая свою заинтересованность под личиной добродушия и одобрения.

– На всё, что у меня есть, – не задумываясь, ответил Френсис Морган. – Я же говорю вам, Риган: это колоссальное дело!

– Я не интересовался по-настоящему этим предприятием и не могу сказать, чего оно стоит, Френсис, но из тех немногих фактов, которые мне известны, оно представляется вполне солидным.

– Представляется! Говорю вам, Риган, что это золотое дно, без всякого обмана; и мне стыдно, что акции его пришлось выпустить на биржу. Но зато на них уж никто не разорится. Я только окажу услугу миру, выбросив на рынок... даже не могу сейчас точно сказать, сколько сотен миллионов баррелей отличной нефти... Да вы знаете, что у меня есть скважина на Хуастекских разработках, которая вот уже семь месяцев даёт по двадцать семь тысяч баррелей в день. И фонтан ещё не иссяк. Но это капля в море по сравнению с тем, что мы способны поставить на рынок. У этой нефти удельный вес двадцать два, а осадка в ней меньше двух десятых процента. Потом, есть ещё один фонтан – к нему надо только проложить миль шестьдесят нефтепровода, – который выбрасывает около семидесяти тысяч баррелей в день и, несмотря на принятые меры, буквально заливает нефтью всю окрестность. Это я сообщаю вам, конечно, по секрету, сами понимаете. Дела у нас идут неплохо, и я вовсе не хочу, чтобы акции «Тэмпико петролеум» подскочили до небес.

– Можешь не беспокоиться об этом, сынок. Ещё надо, чтобы нефть потекла по нефтепроводам и чтобы в Мексике прекратились революции, – только тогда акции «Тэмпико» могут взлететь вверх. А пока поезжай удить рыбу и забудь об этом. – Риган помолчал, потом, притворившись, будто вдруг что-то вспомнил, взял со стола визитную карточку Альвареса Торреса, на которой карандашом была нацарапана записка. – Взгляни, кто у меня только что был. – Риган помолчал, словно обдумывая внезапно пришедшую в голову мысль. – Ну зачем тебе ехать удить какую-то форель? Ведь это, в конце концов, пустое развлечение. А вот тут есть для тебя улов поинтереснее – это развлечение настоящее, достойное мужчины, не то что дача в Адирондакских горах наподобие персидского дворца, где вам и мороженое, и слуги, и электрические звонки. Твой отец всегда немало гордился этим пиратом, от которого пошёл весь ваш род. Он утверждал, что похож на него, ну а ты, безусловно, похож на своего папашу.

– На сэра Генри, – с улыбкой заметил Френсис, протягивая руку за карточкой. – А я ведь тоже немало горжусь этим старым бандитом!

Прочитав каракули, нацарапанные на визитной карточке, он вопросительно взглянул на Ригана.

– История, которую рассказал мне этот парень, звучит вполне правдоподобно, – пояснил Риган. – Он говорит, что родился на этом самом Москитовом Берегу и узнал про клад из документов, хранящихся у них в семье. Но я, конечно, не верю ни единому слову из всего этого. У меня нет ни времени, ни желания интересоваться тем, что не имеет никакого отношения к моим делам.

– Любопытно, что сэр Генри умер почти бедняком, – заметил Френсис; брови его сдвинулись, и между ними прорезались упрямые моргановские складки, – а спрятанный им клад так никто и не нашёл.

– Ну что ж, желаю удачи в рыбной ловле, – добродушно усмехнулся Риган.

– А всё-таки мне бы хотелось повидать этого Альвареса Торреса, – заявил молодой человек.

– Всё это пустые бредни насчёт зарытого золота, – продолжал Риган. – Хотя, должен признаться, история, которую рассказал мне этот парень, звучит на редкость правдоподобно. М-да, будь я помоложе... но мне, как видно, суждено сиднем сидеть здесь.

– Вы не знаете, где бы я мог найти его? – уже через минуту спрашивал Френсис, доверчиво всовывая шею в петлю, которую Судьба в образе Томаса Ригана приготовила, чтобы уловить его.

Свидание состоялось на следующее утро в кабинете Ригана. При виде Френсиса сеньор Альварес Торрес вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Это не ускользнуло от Ригана, который спросил с усмешкой:

– Совсем точно старый пират собственной персоной, а?

– Да, сходство поразительное, – солгал, или почти солгал, Торрес, ибо хотя он и заметил сходство Френсиса с портретами сэра Генри Моргана, но в то же время перед его мысленным взором предстал образ другого, только живого человека, который был похож и на Френсиса, и на сэра Генри в такой же мере, в какой они оба походили друг на друга.

Френсис был молод, а молодость не знает преград. Тотчас были вытащены современные атласы и старинные географические карты, равно как и документы, написанные выцветшими чернилами на пожелтевшей от времени бумаге, – и не прошло и получаса, как Френсис объявил, что отныне признаёт рыбную ловлю только на Быке или на Тельце – то есть на одном из двух островков в лагуне Чирикви, где, по уверению Торреса, должен находиться зарытый клад.

– Сегодня же вечером выезжаю поездом в Новый Орлеан, – объявил Френсис. – Тогда я как раз успею попасть на один из пароходов «Юнайтед фрут компани», который отправляется в Колон. О, я уже всё выяснил вчера, прежде чем лечь спать.

– Только не фрахтуйте шхуны в Колоне, – посоветовал Торрес. – Поезжайте верхом до Белена. Там лучше всего фрахтовать судно: матросы народ простой – туземцы, и вообще всё просто.

– Пожалуй, это разумно! – согласился Френсис. – Мне давно хотелось посмотреть тамошние края. А вы поспеете к этому поезду, сеньор Торрес?.. Вы, конечно, понимаете, что я беру на себя обязанности казначея и оплату всех расходов.

Но, поймав взгляд Ригана, Альварес Торрес мигом сообразил, что от него требуется, и принялся вдохновенно лгать:

– К сожалению, мистер Морган, я вынужден задержаться и присоединюсь к вам позже. У меня тут одно неотложное дело... как бы это сказать?.. небольшой судебный процесс, который мне надо довести до конца. Сумма иска, правда, незначительна, но тут затронуты интересы семьи, и потому это дело для меня чрезвычайно важное. У нас, Торресов, есть своя гордость. Я знаю, вам, американцам, это кажется смешным, но для нас – вещь очень серьёзная.

– Он потом присоединится к тебе и поможет, если ты собьёшься со следа, – заверил Френсиса Риган. – Кстати, пока вы не забыли, не мешало бы вам заранее договориться о разделе добычи... если вы, конечно, когда-нибудь найдёте этот клад.

– Слово за вами. Что вы скажете? – спросил Френсис.

– Разделите поровну. Точно пополам, – предложил Риган, великодушно деля между ними то, чего, по его убеждению, вовсе не существовало.

– И вы сразу же приедете, как только сумеете, да? – спросил Френсис Торреса. – Послушайте, Риган, займитесь-ка его иском и уладьте всё побыстрее. Ладно?

– Непременно, мой мальчик, – был ответ. – А если ему потребуются деньги? Дать?

– Безусловно! – Френсис крепко пожал обоим руки. – Это избавит меня от лишних хлопот. Ну, а сейчас я бегу: надо уложиться, отменить все свидания, которые были у меня назна-

чены, и успеть на поезд. Всего хорошего, Риган. До скорой встречи, сеньор Торрес, где-нибудь возле Бокас-дель-Торо или в какой-нибудь яме на Быке или Тельце. Так, по-вашему, клад на Тельце? Ну, в общем, до встречи. Adíós!⁵

А сеньор Альварес Торрес остался ещё на некоторое время у Ригана и получил подробнейшие инструкции о той роли, которую ему предстояло играть: с самого начала пути и на всём его протяжении он должен всячески задерживать и затягивать экспедицию Френсиса.

— Короче говоря, — заключил Риган, — я не буду очень горевать, если в интересах своего здоровья он останется там надолго, а если и вообще не вернётся, то тоже плакать не буду.

⁵ До свидания (*исп.*).

Глава вторая

Деньги, как и молодость, не знают преград, и Френсис Морган, законный и естественный обладатель и молодости и денег, в одно прекрасное утро, через три недели после того, как он распрощался с Риганом, оказался на борту зафрахтованной им шхуны «Анджелика», попавшей неподалёку от берега в полосу штиля. Вода была точно стекло, шхуну еле покачивало, и Френсис Морган, томясь от скуки и избытка энергии, которая так же, как молодость, не знает преград, попросил метиса-капитана, сына ямайского негра и индианки, спустить за борт маленький ялик.

– Похоже, что здесь можно подстрелить попугая, или обезьяну, или что-нибудь в этом роде, – заметил Френсис, разглядывая в мощный цейсовский бинокль берег, поросший непроходимым лесом, в полумиле от них.

– Скорей всего, сэр, вы наткнётесь на лабарри, местную ядовитую змею, укус которой смертелен, – усмехнулся капитан и владелец «Анджелики», унаследовавший от своего отца-ямайца способность к языкам.

Но Френсиса уже невозможно было удержать: в эту самую минуту он увидел в бинокль сперва белую асьенду⁶ вдали, а затем фигуру женщины в белом на берегу; он даже заметил, что женщина тоже рассматривает в бинокль его самого и шхуну.

– Спустите ялик, капитан, – приказал он. – Кто там живёт? Белые?

– Семейство Энрико Солано, сэр, – был ответ. – Это родовитые испанские аристократы, уж поверьте моему слову. Им принадлежит вся эта местность, от моря до Кордильер, а также половина лагуны Чирикви. Земли у них много, а вот денег – мало. Гордецы страшные, ну и вспыльчивые, как порох.

Когда Френсис в крошечном ялике отплыл к берегу, зоркий глаз капитана подметил, что он не взял с собой ни ружья, ни дробовика для предполагаемой охоты на попугаев или обезьян. А ещё глаз капитана уловил фигуру женщины в белом, выделявшуюся на тёмном фоне джунглей.

Френсис грёб прямо к берегу, покрытому белым коралловым песком, не решаясь оглянуться через плечо и посмотреть, там ли ещё эта женщина или уже исчезла. В его помыслах не было ничего дурного – лишь вполне естественное для молодого человека желание познакомиться с молодой сельской жительницей, вероятно полудикаркой, а в лучшем случае – наивной провинциалочкой, с которой можно будет поболтать и подурачиться, пока штиль сковывает «Анджелику». Когда дно ялика зашуршало по песку, Френсис выпрыгнул из лодки, сильной рукой приподнял её нос, втащил на берег и только после этого обернулся. Вокруг не было ни души. Френсис доверчиво пошёл вперёд. «Любой путешественник, попав на незнакомый берег, имеет право поискать местных жителей, чтобы узнать дорогу», – сказал он себе.

И Френсис, рассчитывавший лишь на мимолётное развлечение, получил столько развлечений и таких, о каких мечтать не мог. Из-за зелёной стены джунглей, точно фея из волшебной шкатулки, внезапно выскочила уже виденная им молодая женщина и обеими руками схватила его за руку. Одного взгляда на неё было достаточно, чтобы понять, что это девушка вполне созревшая и оформившаяся. Френсиса удивили сила и нежность, с какими она сжала его руку.

⁶ Асьенда (*исп. hacienda*) – усадьба с прилегающими к ней плантациями.

Свободной рукой он сорвал с головы шляпу и поклонился незнакомке с невозмутимостью Моргана, воспитанного в Нью-Йорке и привыкшего ничему не удивляться, – и был удивлён, да ещё как! Причём потрясла его не только красота девушки, но и взгляд, каким она в упор смотрела на него, – суровый и непреклонный. Ему даже показалось, будто он уже где-то встречался с нею. Он что-то не замечал, чтобы незнакомые люди так смотрели друг на друга.

Девушка обеими руками потянула его за руку и взволнованно прошептала:

– Скорей! Следуйте за мной!

С минуту он колебался. Тогда она нетерпеливо дёрнула его, увлекая за собой. Решив, что это какая-то странная игра, принятая, вероятно, на побережье Центральной Америки, он с улыбкой уступил – и уже сам не знал, добровольно ли следует за нею или она силой тащит его в джунгли.

– Делайте то же, что и я, – бросила она ему через плечо, держа его теперь только одной рукой.

Он повиновался с улыбкой: он полз, когда ползла она, сгибался в три погибели, когда она сгибалась, и то и дело сравнивал себя с Джоном Смитом и Покахонтас⁷.

Внезапно девушка остановилась и села на землю, жестом приказав Френсису сесть рядом; она высвободила свою руку из его руки и прижала её к сердцу.

– Слава богу! – с трудом переводя дух, произнесла она. – О милосердная Дева Мария!

Подражая ей – такова была её воля и таковы были, по-видимому, правила игры, – он с улыбкой тоже прижал руку к сердцу, хоть и не обратился при этом ни к Богу, ни к Деве Марии.

– Неужели вы никогда не научитесь быть серьёзным? – гневно сверкнув глазами, напустилась на него девушка.

Френсис тотчас принял самый серьёзный и естественный вид.

– Милая моя леди... – начал было он.

⁷ Покахонтас – индианка, дочь вождя (1595(?)-1617). Джон Смит – капитан, глава английских поселенцев в Джеймстауне (Вирджиния). Покахонтас спасла жизнь Джону, когда её отец хотел убить его. Позднее она вышла замуж за Джона Смита и уехала с ним в Англию, где умерла от оспы.

Но она резким жестом оборвала его. С возрастающим удивлением Френсис увидел, как она наклонилась и стала прислушиваться, а потом и сам услышал шаги людей, спускавшихся по тропинке неподалёку от них.

Повелительно положив свою мягкую тёплую ладонь на его руку и как бы приказывая ему молчать, девушка порывисто поднялась – Френсис уже пришёл к выводу, что эта порывистость у неё в натуре, – и побежала вниз по дорожке. Он чуть не свистнул от изумления. Да он бы и свистнул, если бы не услышал невдалеке её голоса: она резко спрашивала что-то по-испански, а мужские голоса хотя и почтительно, но возражали ей.

Затем Френсис услышал, как они пошли дальше, продолжая разговаривать. Минут на пять воцарилась мёртвая тишина; потом до Френсиса снова донёлся голос девушки: она приказывала ему выйти из засады.

«Ну и ну! Интересно, как бы вёл себя Риган в таких условиях?» – с усмешкой подумал он, вылезая из кустов.

Он шёл за ней следом, – теперь она уже не держала его за руку, – через джунгли к морю. Когда она остановилась, он подошёл почти вплотную и стал перед нею, всё ещё считая, что это игра.

– Запятнал! – рассмеялся он, дотрагиваясь до её плеча. – Запятнал! – повторил он. – Теперь вам ловить!

Её чёрные глаза сверкнули испепеляющей яростью.

– Глупец! – воскликнула она и, подняв руку, ткнула пальцем – как ему показалось, с излишней фамильярностью – в его усики. – Неужели вы думаете, что это делает вас неузнаваемым?

– Но, милая моя леди... – начал было он, намереваясь объяснить девушке, что, безусловно, видит её впервые.

Однако то, что последовало, заставило его прикусить язык и было столь же неожиданно, как и всё, что девушка делала до сих пор. Это случилось так молниеносно, что он даже не заметил, откуда был извлечён крошечный серебряный револьвер, дуло которого было не только направлено на него, но вплотную прижато к его животу.

– Милая моя леди... – снова попытался начать он.

– Я не желаю разговаривать с вами, – перебила она его. – Отправляйтесь на свою шхуну и уезжайте... – Френсису показалось, что она подавила рыдание. И лишь после паузы она договорила: – ...навсегда.

Он снова открыл было рот, но, почувствовав резкий толчок револьвером под ложечку, так ничего и не сказал.

– Если вы ещё когда-нибудь вернётесь – да простит мне Мадонна! – я застрелю вас.

– В таком случае мне, пожалуй, лучше убраться отсюда, – шутливо бросил он и, повернувшись, зашагал к ялику; ему было и стыдно и смешно при мысли о том, в какое непостижимо нелепое положение он попал.

Он пытался сохранить последние остатки достоинства и делал вид, будто не замечает, что незнакомка идёт за ним. Вытягивая из песка нос ялика, он подметил, что лёгкий ветерок зашелестел листьями пальм. От налетевшего с суши бриза море у берега стало темнеть; потемнело оно и там, у выхода из ещё гладкой, как зеркало, лагуны Чирикви, где на горизонте вставали, точно мираж, далёкие очертания рифов.

Френсис уже занёс ногу, чтобы сесть в ялик, как вдруг услышал рыдание, заставившее его остановиться и повернуть голову. Странная девушка стояла, опустив револьвер, и плакала.

В один миг Френсис очутился рядом с ней и участливо дотронулся до её плеча. Девушка вздрогнула от его прикосновения и, отшатнувшись, с упрёком посмотрела на него сквозь слёзы. Френсис пожал плечами, как бы говоря, что отказывается понимать столь необъяснимую смену настроений, и снова повернулся было к лодке, но незнакомка остановила его.

– Вы... – начала она, запнулась и тяжело вздохнула, – вы могли бы хоть поцеловать меня на прощанье.

И девушка порывисто бросилась к нему, раскрыв объятия, но всё ещё продолжая держать в правой руке столь не подходящий к случаю револьвер. Френсис, вконец сбитый с толку, какое-то мгновение стоял в растерянности, потом обнял её и был награждён страстным поцелуем в губы, повергшим его в полное изумление; а незнакомка уронила голову ему на плечо и разразилась потоком слёз. У Френсиса в глазах помутилось, однако он всё же чувствовал

давящую тяжесть револьвера, прижатого к его спине между лопатками. Через некоторое время девушка подняла мокрое от слёз лицо и поцеловала Френсиса несколько раз, а он подумал: не подлю ли с его стороны отвечать на её поцелуи с такой же, не менее загадочной страстностью?

И только он успел сказать себе, что, в общем, ему безразлично, сколько времени продлится эта нежная сцена, как девушка вдруг отшатнулась от него, и лицо её снова запылало гневом и ненавистью, – угрожающе взмахнув револьвером, она указала ему на лодку.

Пожав плечами и как бы говоря, что он ни в чём не может отказать красивой женщине, Френсис повиновался, сел на вёсла, лицом к ней, и начал грести от берега.

– Да спасёт меня Дева Мария и не даст погибнуть из-за моего слабого сердца! – воскликнула девушка, свободной рукой срывая с шеи медальон. Золотые бусинки посыпались дождём, и медальон полетел в воду, разделявшую её и Френсиса.

В эту минуту из джунглей выскочили трое мужчин с ружьями и бегом устремились к девушке, которая в изнеможении опустилась на песок. Они стали поднимать её и тут только заметили Френсиса, который грёб теперь изо всех сил. Френсис поспешно оглянулся, чтобы удостовериться, далеко ли ещё до «Анджелики», и увидел, что шхуна, слегка накренившись, разрезая носом воду, идёт ему навстречу. В эту минуту один из трёх мужчин на берегу – тот, что был постарше, с бородой, – выхватил у девушки бинокль и направил его на Френсиса. А в следующий миг, бросив бинокль, он уже целился в него из ружья.

Пуля шлёпнулась в воду на расстоянии какого-нибудь ярда от лодки, но, прежде чем раздался второй выстрел, девушка поспешно вскочила на ноги и ударом снизу выбила ружьё из рук старика. Продолжая ожесточённо грести, Френсис увидел, как мужчины, отбежав от девушки, прицелились в него, но она выхватила револьвер и, наведя на них, заставила опустить ружья.

«Анджелика», повёрнутая против ветра, приостановилась, вспенивая воду, и Френсис ловким прыжком вскочил на палубу; в ту же секунду капитан повернул рулевое колесо, паруса надулись, и шхуна понеслась в море. С мальчишеским озорством Френсис послал на прощанье воздушный поцелуй незнакомке, продолжавшей смотреть ему вслед, и увидел, как она, в полном изнеможении, упала на грудь бородатого старика.

– Ну и порох эти проклятые Солано! И гордые до сумасшествия, – заметил Френсису метис-капитан и улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

– Бешеные какие-то, настоящие психопаты! – рассмеялся Френсис и, подбежав к борту, послал ещё несколько воздушных поцелуев эксцентричной молодой особе.

Благодаря попутному ветру, дувшему с материка, «Анджелика» добралась до рифов, ограждающих вход в лагуну Чирикви, и, сделав ещё миль пятьдесят вдоль них, к полуночи подошла к островам Быка и Тельца; тут капитан поставил судно на якорь, решив дожидаться рассвета. После завтрака Френсис, посадив на вёсла матроса, негра с Ямайки, отправился в ялике обследовать остров Быка – более крупный, чем остров Тельца, и населённый в это время года, по словам шкипера, индейцами, которые перебираются сюда с материка для охоты на черепаха.

Ещё не успев подъехать к острову, Френсис понял, что его отделяют от Нью-Йорка не только тридцать градусов широты, но и тридцать столетий, через которые он перемахнул, попав из ультрасовременной цивилизации в обстановку, можно сказать, первобытной дикости. Совсем голые, если не считать лоскутов мешковины на бёдрах, вооружённые тяжёлыми, необычайно острыми топорами-мачете, охотники на черепаха очень быстро доказали, что они отъявленные попрошайки и не остановятся перед убийством. Остров Быка принадлежит им, – объявили они Френсису через переводчика-матроса, который привёз его сюда, – а Телец, прежде

тоже принадлежавший им в сезон охоты на черепах, теперь захватил один бешеный гринго⁸, отчаянный сорвиголова, несговорчивый и властный, сумевший с помощью страха завоевать их уважение – уважение перед двуногим существом, ещё более свирепым, чем они сами.

За серебряный доллар Френсис уговорил одного из индейцев отправиться к таинственному гринго и передать ему, что он хотел бы его навестить. Тем временем остальные окружили ялик, принялись разглядывать Френсиса, клянчить у него деньги и даже бесцеремонно стащили его трубку, которую он на минуту вынул изо рта и положил рядом. Френсис тотчас дал по уху вору, а затем и второму, выхватившему её у первого, и вернул себе трубку. В один миг вся толпа ошетичилась, угрожающе засверкали на солнце отточенные острия, но Френсис быстро унял пыл индейцев, наведя на них свой пистолет-автомат; они попятнулись и, сбившись в кучу, принялись злоюще шептаться. Тут Френсис обнаружил, что его единственный спутник и переводчик струсил: подойдя к охотникам на черепах, он заговорил с ними явно заискивающим тоном, очень не понравившимся Френсису.

Тем временем вернулся посланный с запиской, и Френсис, поняв, что ему самому придётся объясняться с ним, так как на ямайца надежда плохая, взял у него листок, поперёк которого карандашом было нацарапано: «*Vamos!*⁹ Пошёл ты к чёрту!»

– Придётся мне, как видно, самому поехать туда, – подозвав к себе негра-матроса, сказал Френсис.

– Будьте как можно осторожнее и осмотрительнее, сэр, – предупредил его негр. – Эти безмозглые скоты на всё способны, сэр.

– Садись в лодку и вези меня туда, – кратко приказал Френсис.

– Нет, сэр. Очень сожалею, но нет, сэр, – отвечал чернокожий матрос. – Я нанимался, сэр, к капитану Трефэзену в матросы, но я не нанимался в самоубийцы, и я не поеду с вами, сэр, на верную смерть. Самое лучшее для нас было бы убраться из этого пекла; если же мы останемся, сэр, то нам тут зададут жару – это уж точно.

Возмущённый до глубины души, Френсис смерил матроса презрительным взглядом, сунул в карман пистолет, повернулся спиной к полуголым дикарям и зашагал прочь через пальмовую рощу. В том месте, где торчал огромный кусок кораллового рифа, выброшенный здесь давним землетрясением, он вышел к морю. У берега Тельца, от которого его отделял узкий проливчик, он увидел ялик на приколе. У того же берега, на котором находился он сам, стояло на приколе выдолбленное из дерева старое и явно дырявое каноэ. Френсис перевернул его, чтобы вылить воду, и тут заметил, что охотники на черепах последовали за ним и теперь с опушки кокосовой рощи наблюдают за его действиями; однако трусливого матроса среди них не было.

Переехать через проливчик было для Френсиса делом нескольких минут, но на берегу Тельца его ждал не более радушный приём; из-за пальмы вышел высокий молодой человек, босиком, с пистолетом-автоматом в руке, и гаркнул:

– *Vamos!* Убирайтесь вон отсюда! Живо!

– О боги морских глубин со всеми их рыбами и рыбёшками! – полушутя-полусерьёзно воскликнул Френсис и улыбнулся. – Тут у вас человеку и шагу нельзя ступить, чтоб ему не ткнули пистолетом в физиономию. И все кричат: «Убирайся вон, *pronto!*»¹⁰

– Никто вас не звал сюда, – возразил незнакомец. – Вы явились без спроса. Убирайтесь с моего острова. Даю вам полминуты.

– Знаете ли, приятель, я начинаю злиться, – чистосердечно признался Френсис, в то же время искоса поглядывая на ближайшую пальму и соображая, какое расстояние отделяет его от

⁸ Гринго – в Центральной Америке так называют англичан и жителей Соединённых Штатов.

⁹ Давай! (исп.)

¹⁰ Живо (исп.).

неё. – Все, кого я здесь ни встречал, какие-то сумасшедшие и к тому же невежи: гонят человека без всякого стеснения. Так что под конец у меня тоже характер изменился. А вот насчёт того, будто этот остров ваш, так одни слова ещё не являются доказательством...

И, не закончив фразы, Френсис метнулся под прикрытие пальмы. Едва он успел забежать за дерево, как в ствол ударила пуля.

– Ах так! – крикнул он и всадил пулю в ствол пальмы, за которой спрятался незнакомец.

Несколько минут продолжалась перестрелка: противники то палили друг в друга, то выжидали, тщательно рассчитывая выстрелы. Наконец Френсис выпустил восьмую, и последнюю, пулю и тут без особого удовольствия вспомнил, что насчитал всего семь выстрелов со стороны незнакомца. Тогда он надел на руку свой пробковый шлем и осторожно высунул его из-за пальмы, – шлем был тотчас же пробит пулей.

– Какой системы у вас револьвер? – холодно-вежливым тоном осведомился он.

– «Кольт», – последовал ответ.

Френсис смело вышел из-за своего укрытия.

– В таком случае вы извели весь свой запас. Я считал выстрелы. Восемь. Теперь мы можем поговорить.

Незнакомец тоже вышел из-за дерева. И Френсис невольно залюбовался его статной фигурой, которую не мог обезобразить даже костюм, состоявший из грязных парусиновых штанов, тельняшки и сомбреро с обвисшими полями. Больше того: Френсису показалось, что он уже где-то видел этого человека, хотя ему и в голову не пришло, что он смотрит на точную копию самого себя.

– Поговорить! – фыркнул незнакомец и, отбросив револьвер, выхватил из-за пояса нож. – Вот сейчас отрежу тебе уши, а потом, может, и скальп сдеру.

– Ишь ты! Какие, однако, милые и добродушные звери водятся в здешних лесах, – в тон ему заговорил Френсис, чувствуя, как в нём нарастают гнев и возмущение. Он тоже выхватил свой охотничий нож, совсем ещё новенький и блестящий. – Давай-ка лучше померимся силами – без всякой этой поножовщины из дешёвого уголовного романа.

– Мне нужны твои уши, – любезно возразил незнакомец и стал медленно наступать на Френсиса.

– Очень хорошо. Кто первый будет положен на обе лопатки, тот и отдаст свои уши победителю.

– Согласен! – Молодой человек в парусиновых штанах спрятал нож.

– Жаль, что здесь нет киноаппарата, чтобы заснять эту сцену, – усмехнулся Френсис, в свою очередь пряча нож. – Я зол, как сто чертей! Как самый злой индеец! Берегись! Я тебя сейчас любым способом положу на лопатки!

Сказано – сделано, но блестящий натиск Френсиса привёл к самым позорным результатам: незнакомец, на первый взгляд, казалось бы, способный выдержать любой наскок, как только они сшиблись, повалился на спину. Это была хитрость: подняв ногу, он пнул Френсиса в живот, да так, что тот, перекувыркнувшись в воздухе, перелетел через него.

От падения Френсис едва не лишился чувств, а тут ещё противник набросился на него и так придавил к земле, что чуть дух из него не вышиб. Френсис лежал на спине, не в силах произнести ни слова, как вдруг заметил, что навалившийся на него человек с внезапным любопытством разглядывает его.

– Зачем тебе эти усики? – спросил незнакомец.

– Ладно, не разговаривай, отрезай уши, – проговорил Френсис, как только дыхание вернулось к нему. – Уши твои, а усы мои. Мы насчёт них не уговаривались. А вообще, ты положил меня на лопатки по всем правилам джиу-джитсу¹¹.

¹¹ Джиу-джитсу – японская борьба.

– Ты же сам сказал: «Любым способом положу на лопатки», – процитировал со смехом незнакомец. – Так вот: уши можешь оставить себе; я и не собирался отрезать их, а теперь, посмотрев на них поближе, и вовсе не собираюсь – они мне не нужны. Вставай и убирайся отсюда. Я тебя побил. *Vamos!* И не смей больше появляться здесь и разнюхивать! Пошёл вон! Живо!

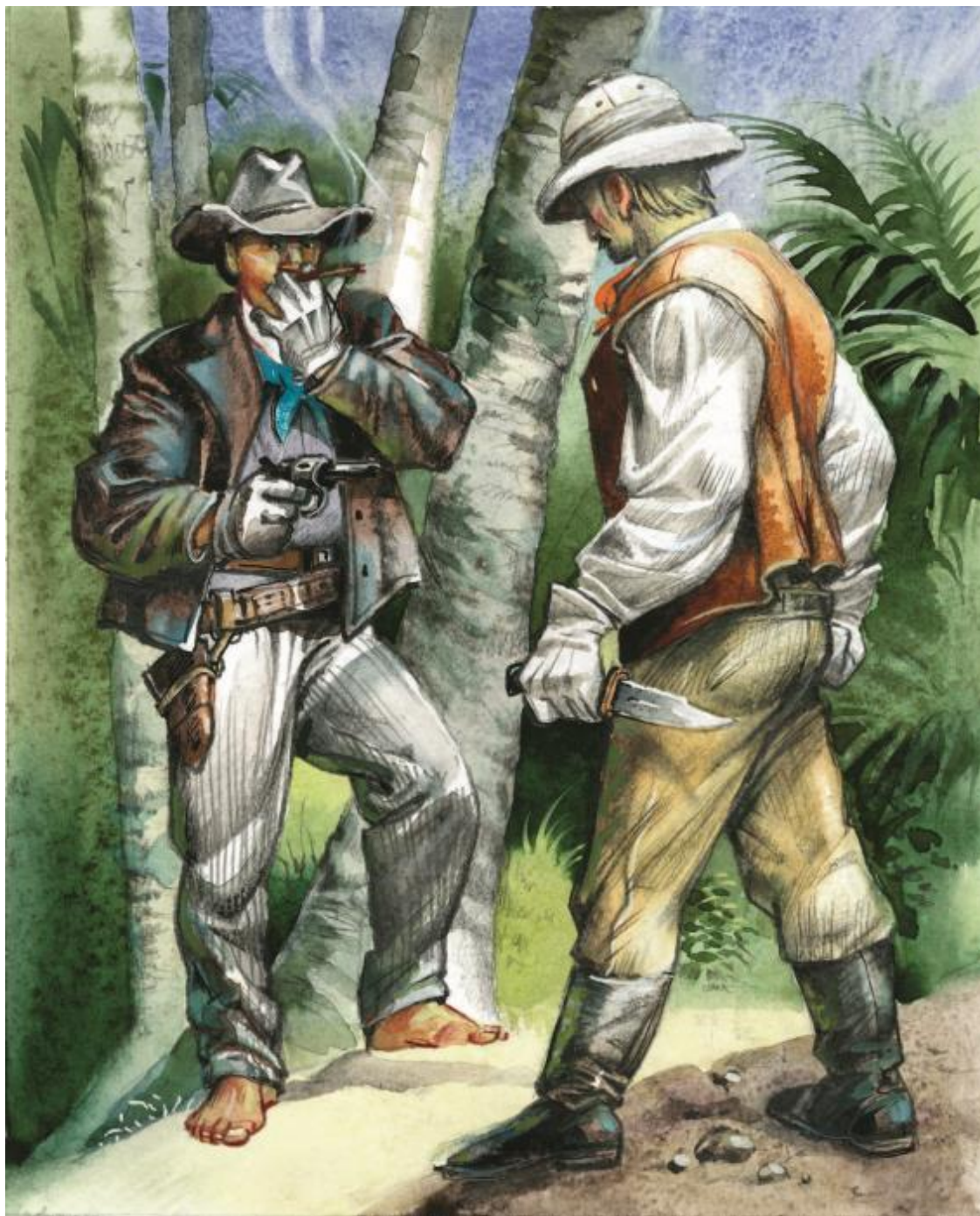
Возмущённый ещё больше, чем прежде, и униженный сознанием своего поражения, Френсис вернулся на берег, где стояло его каноэ.

– Эй, молодой человек, может, хоть свою визитную карточку мне оставите?! – крикнул ему вслед победитель.

– Визитных карточек головорезам не оставляют, – бросил через плечо Френсис, прыгая в каноэ и отталкиваясь веслом от берега. – А фамилия моя – Морган.

На лице незнакомца отразилось величайшее изумление; он открыл было рот, намереваясь что-то сказать, потом передумал и лишь пробормотал себе под нос: «Одной породы! Неудивительно, что мы так похожи».

Всё ещё кипя от негодования, Френсис добрался до Быка, вытащил каноэ на берег, присел на борт, набил трубку, закурил и погрузился в мрачное раздумье. «Все здесь сумасшедшие, решительно все, – думал он. – Ни один человек не ведёт себя по-человечески. Интересно, как бы старик Риган стал обделывать дела с такими людьми? Уж ему они бы наверняка уши отрезали».

Если бы в эту минуту Френсис мог видеть обладателя парусиновых штанов и такой знакомой физиономии, он окончательно пришёл бы к убеждению, что жители Латинской Америки – самые настоящие сумасшедшие, ибо вышеупомянутый молодой человек сидел в крытой травой хижине у себя на острове и, улыбаясь собственным мыслям, говорил вслух:

– Кажется, я всё-таки вселил Божий страх в сердце этого представителя моргановской семейки, – и, подойдя к стене, принялся разглядывать висевшую на ней копию с портрета сэра Генри, родоначальника Морганов. – Итак, господин пират, – усмехнувшись, продолжал он, – двое ваших последних отпрысков чуть было не прикончили друг друга из пистолетов-автоматов, по сравнению с которыми ваше допотопное оружие – грошовая игрушка.

Он нагнулся к старенькому, сильно побитому и изъеденному червями морскому сундучку, приподнял крышку с вырезанной на ней буквой М и снова обратился к портрету:

– Да, благородный мой предок, пират-валлиец, немного же ты мне оставил: старое тряпье да лицо, как две капли воды похожее на твоё. Но если б меня обстреляли, как тебя в Порт-о-Пренсе, я бы тоже сумел себя показать.

С этими словами он стал натягивать на себя изъеденную молью одежду, обветшавшую за долгие годы лежания в сундуке.

– Вот я и принарядился, – добавил он через минуту. – А ну, дражайший предок, выйди-ка из рамы и посмей сказать, что мы с тобой не похожи как две капли воды!

Теперь, когда молодой человек облёкся в старинные одежды сэра Генри Моргана, препоясавшись тесаком и засунув за широкий пояс два огромных, украшенных резьбой кремнёвых пистолета, сходство между ним, живым человеком, и портретом старого пирата, давно превратившегося в прах, было поистине разительно.

Ветер воет, море злится —
Мы, корсары, не сдаём.
Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоём! —

запел молодой человек, перебирая струны гитары, старую пиратскую песню. Постепенно образ, смотревший на него с портрета, стал расплываться, и молодой человек увидел перед собой совсем другую картину.

Прислонившись спиной к грот-мачте, со сверкающим тесаком в руке, стоял старый пират, а перед ним полукругом толпились причудливо одетые головорезы-матросы; спиной к нему, по другую сторону мачты, стоял другой человек, одетый в такой же костюм, и тоже с тесаком в руке, и так же полукругом толпились перед ним головорезы-матросы, замыкая образовавшееся вокруг мачты кольцо.

Яркое видение вдруг исчезло, разорванное звоном лопнувшей струны, которую молодой человек, увлечшись, сильно дёрнул. В наступившей тишине ему показалось, что старый сэр Генри вышел к нему из рамы и, став перед ним, тербит его за рукав, словно приказывая выйти из хижины, а сам с настойчивостью призрака всё шепчет:

Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоём!

Послушный зову призрака, а может быть, собственной обострённой интуиции, молодой человек вышел из хижины и спустился к морю. Посмотрев через узкий проливчик на противоположный берег, он увидел на острове Быка своего недавнего противника, который, прислонившись спиной к огромному обломку кораллового рифа, отбивался от полуголых индейцев, наступавших на него со своими мачете; в руках у него был тяжёлый сук, выловленный, очевидно, в воде.

В это время кто-то угодил Френсису камнем по голове, и всё поплыло у него перед глазами; теряя сознание, он вдруг увидел нечто, почти убедившее его, что он уже мёртв и находится в царстве теней: сэр Генри Морган собственной персоной, с тесаком в руке, спешил по берегу ему на выручку. Больше того – он размахивал этим тесаком и, круша индейцев направо и налево, пел зычным голосом:

Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаём,
Мы – спина к спине – у мачты,

Против тысячи вдвоём!

Ноги у Френсиса подкосились, он весь обмяк и медленно опустился на землю; последнее, что он видел, были индейцы, которые бросились врассыпную, преследуемые таинственным пиратом.

«Боже милосердный!» – «Святая Дева, спаси нас!» – «Да ведь это призрак старика Моргана!» – донеслись до него их крики.

Френсис очнулся в крытой травой хижине в самом центре Тельца. Первое, что он увидел, придя в сознание, был портрет сэра Генри Моргана, глядевший на него со стены. А затем он увидел точную копию сэра Генри, только совсем молодого, из живой плоти и крови, – и этот сэр Генри поднёс к его губам флягу с бренди и велел сделать глоток. Как только Френсис глотнул из фляги, силы сразу вернулись к нему, и он вскочил на ноги; движимые одним и тем же побуждением, молодые люди пристально посмотрели друг на друга, потом на портрет и, чокнувшись флягами, выпили за предка и друг за друга.

– Вы сказали мне, что вы – Морган, – произнёс незнакомец. – Я тоже Морган. Этот человек на стене дал начало моему роду. А ваш род откуда берёт начало?

– От него же, – ответил Френсис. – Меня зовут Френсис. А вас как?

– Генри – так же, как нашего предка. Мы с вами, должно быть, дальняя родня – четвероюродные братья или что-то в этом роде. Я тут ишу сокровища, которые в своё время нагребил этот хитрый старый скупердяй-валлиец.

– Я тоже, – сказал Френсис и протянул ему руку. – Только к чёрту всякий делёж!

– Это в тебе говорит кровь Морганов, – одобительно усмехнулся Генри. – Дескать, пусть достанется всё тому, кто первый найдёт. Я перекопал почти весь остров за эти полгода, и всё,

что нашёл, – вот это тряпье. Я, конечно, постараюсь найти клад раньше тебя, но, как только понадобится тебе и ты меня позовёшь, стану с тобой спина к спине у мачты.

– Это замечательная песня, – сказал Френсис, – я бы хотел её выучить. Ну-ка, повтори ещё раз ту строфу.

И, звякнув флягами, они запели:

Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоём!

Глава третья

Однако сильнейшая головная боль заставила Френсиса прекратить пение, и он с радостью позволил Генри уложить его в подвешенный в тени гамак. Тем временем сам Генри отправился на «Анджелику» – передать капитану приказание своего гостя стоять на якоре и ни под каким видом не пускать матросов на берег Тельца. Лишь поздно утром на следующий день, проспав тяжёлым сном немало часов кряду, Френсис наконец встал на ноги и заявил, что голова у него снова ясная.

– Я знаю, как это бывает: сам однажды свалился с лошади, – сочувственно заметил его странный родственник, наливая ему большую кружку ароматного чёрного кофе. – Выпей-ка вот это, сразу станешь другим человеком. Не могу предложить тебе ничего особенного на завтрак, кроме солонины, сухарей да яичницы из черепаших яиц. Яйца свежие, за это могу поручиться: я вырыл их сегодня утром, пока ты спал.

– Этот кофе уже сам по себе целый завтрак, – тоном знатока отозвался Френсис, разглядывая своего нового родича и время от времени переводя взгляд с него на портрет.

– Ты ведь тоже точная его копия; и схожи вы не только внешне, – рассмеялся Генри, поймав взгляд Френсиса. – Когда ты отказался вчера делить клад, ты рассуждал так, как рассуждал бы старик сэр Генри, будь он жив. У него была врождённая антипатия к дележу, он не делился даже с собственной командой. Отсюда все его беды. И уж конечно, он не поделился бы ни одним пенни со своими потомками. А вот я совсем другой. Я не только готов отдать тебе половину Тельца, но и свою половину в придачу вместе со всей подвижностью и недвижимостью: бери себе и хижину, и прелестную обстановку, и фамильные ценности – всё, даже черепашие яйца, какие остались. Когда же вам угодно будет вступить во владение всем этим?

– Как это понять?.. – спросил Френсис.

– А вот так. Здесь ничего нет. Я, можно сказать, перекопал весь остров, и единственное, что я нашёл, – это сундук, набитый тряпьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.